

УДК 801.6; 801.7

Клейменова В.Ю.

Псковский государственный университет

РОЛЬ ФИКТИВНЫХ ИНТЕКСТОВ В ФИКЦИОНАЛЬНОМ МИРЕ ВОЛШЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

V. Kleimenova

Pskov State University

ROLE OF FICTITIOUS INTEXTS IN ART FAIRY TALE FICTIONAL WORLD

Аннотация. Фиктивная полифония фикционального мира волшебной литературной сказки рассматривается в статье как средство достижения правдоподобия, на основе которого текст может осуществлять одну из своих функций: социализация адресата. Фиктивный интекст, созданный в соответствии с продуктивной моделью текстопорождения определённого текстотипа, обязательно содержит лексические или структурные маркеры фиктивности. В статье рассматриваются следующие фиктивные интексты: личное письмо и официальный текст.

Ключевые слова: интертекстуальность, фиктивный интекст, текстотип, фикциональный мир, маркеры фиктивности.

Abstract. This text deals with fictitious polyphony of fairy tale fictional world as a means of reaching similarity between real and fictional world. This similarity helps the text to carry out one of its functions – to form reader's social identity. Fictitious intext is coined in accordance with the productive model of text creation peculiar of a certain text type and contains lexical and structural markers of fictitious nature. The article deals with fictitious personal letter and fictitious official texts.

Key words: intertextuality, fictitious intext, text type, fictional world, markers of fictitious nature.

Одной из характеристик внеязыковой реальности является текстовая полифония, то есть гетерогенность текстового континуума, используемого языковым сообществом в процессе коммуникации. Членение массива текстов на отдельные классы, или “голоса”, формирующие окружающее языковую личность многоголосие, осуществляется в зависимости от типа стандартных коммуникативных ситуаций, которые они обслуживают.

Взаимодействие текстов обуславливает возникновение такой характеристики текста, как интертекстуальность, которая в узком понимании рассматривается как вербализованное присутствие в тексте другого автора. Широкое понимание интертекстуальности как онтологического свойства текста позволяет говорить о смысловых “перекличках” каждого его элемента с иными текстами, о любых формах взаимодействия «своего» и «чужого» [8, с. 82], в результате чего художественный текст вступает во взаимодействие с другими текстами и оказывается связанным с мегаконтекстом [7, с. 18]. Рассмотрение элементов, нарушающих закон семантического согласования и как будто бы чуждых тексту, пробуждает активность читателя, который стремится уловить связь этих включений с прототекстом [1, с. 378].

Текстовые включения разного объёма, или интексты, определяются как двунаправленные единицы, в которых взаимодействуют исходный и принимающий компоненты [1, с. 416]. Они традиционно рассматриваются в контексте интертекстуальности художественного текста (Арнольд 1999, Баева 2007, Бахтин 1975, Белоглазова 2010, Буравова 1985, Кузьмина 2009, Лотман 2005, Лушникова 1996, Слышкин 2000, Стырина 2004, Фатеева 2006, Чаковская 1986, Чернявская В.Е. 2009, Шпетный 1979, Щирова 2007). Интексты создаются по моделям жанров / функциональных стилей / текстотипов, отличных от основного (фонового) художественно-

го текста и характеризуются относительной структурной цельностью и специфичным языковым оформлением. Это могут быть как реально существующие тексты (письма, документы, научные статьи и т. д.), так и иносительные вкрапления, созданные воображением автора основного текста. Выбор интертекстуальных форм обусловлен стратегией диалога автора с читателем.

В тексте волшебной литературной сказки автор актуализирует созданную его сознанием модель мира, имитирующую социальную реальность, в которой существует читатель. Следовательно, текстовая полифония фикционального мира, то есть фиктивная текстовая полифония, является обязательным условием формирования его правдоподобия. Эффективность текстовых включений, используемых в различных ситуациях фиктивной коммуникации как средство формирования правдоподобия, определяется степенью их соответствия реальным аналогам. В рассмотренном нами корпусе текстов используются интексты, созданные воображением автора основного текста, которые в лингвистике обозначаются следующими терминами: «имитационные жанровые вставки» (Л.Н. Буравова), «инородные внесения» (М.С. Чаковская), «имитационные интексты» (Е.В. Стырина). Вслед за И.В. Арнольд мы будем называть такие интексты фиктивными, то есть принадлежащими тому же автору, но выступающему анонимно или под другим именем. Они являются проявлением «композиционной интертекстуальности» в отличие от цитат, которые рассматриваются как «внешняя интертекстуальность» [1, с. 416, 419].

Фиктивные интексты создаются по моделям текстопорождения, которые в сознании языковой личности ассоциируются с типичными коммуникативными ситуациями, и вследствие этого они соответствуют реальным аналогам по композиционным и языковым характеристикам. Однако фиктивный и реальный текст не могут быть идентичны, потому что обслуживают разные типы коммуникации: реальную и изображённую (фиктивную). Языковые маркеры фиктив-

ности представлены в каждом фиктивном интексте. В силу структурного изоморфизма и прагматической изофункциональности реального текста и фиктивного интекста, фиктивная текстовая полифония рассматривается нами как необходимое условие успешного осуществления процесса социализации читателя, то есть приобщения его к социокультурным ценностям, включая мораль, этику, культурные традиции, правила поведения в том обществе, в котором ребёнку предстоит осуществлять дальнейшую деятельность [3, с. 83].

В пространстве текста сказки, как основного, фонового текста, фиктивный интекст обычно выделен графически (набран курсивом или оформлен как отдельный структурный фрагмент), и его появление обязательно маркировано различными языковыми средствами интродукции, к которым мы относим:

- формальную интродукцию, то есть использование законченных высказываний (созданных в соответствии с устойчивой моделью), которые ещё до начала чтения сказки информируют читателя о фиктивности интекстов, но ничего не говорят об их текстотипологической принадлежности; например: “All quoted materials in this work were created by the author. Any resemblance to existing works is accidental” [9];
- референциальную интродукцию, то есть использование названий фиктивных текстов, на которые ссылаются персонажи. Этот тип интродукции в сжатой форме сообщает читателю предварительную информацию о текстотипологической принадлежности и содержании фиктивных интекстов, названия которых создаются по традиционным для данного языкового сообщества продуктивным моделям, в которых один или несколько конвенциональных элементов сохраняются, а другие заменяются лексически единицами из тематического поля «сказочное». Сочетание типичной синтаксической или морфологической модели с лексемами, типичными для иной

сферы деятельности, является сигналом присутствия в тексте «инога» [3, с. 95]: «The Life and Letters of Silenus»; «Nymphs and Their Ways», «Men, Monks and Gamekeepers: A study in Popular Legend», «Is Man a Myth?» [11, с. 116]; «The Book of Spells», «The Witch's Code», «The Popular Book of Spells» [14, с. 15]; «The Ways of Witches», «Practical Lunar Rituals» [9, с. 66, 79];

- нарративную интродукцию, то есть описание фиктивной коммуникативной ситуации, в которой персонаж знакомится с интекстом. Этот тип интродукции, во-первых, логически обосновывает появление фиктивного интекста, во-вторых, информирует читателя о его текстотипологической принадлежности. Автор либо прямо называет имитируемый текстотип («But as he didn't seem likely to get many marks on the Dawn Treader he now started a diary. This was the first entry: <...>» [12, с. 437]), либо перечисляет характерные языковые маркеры, позволяющие читателю однозначно определить текстотипологическую принадлежность интекста («At the bottom half of the front page, a smaller headline was set over a picture of Dumbledore striding along looking harried: DUMBLEDORE – THE TRUTH AT LAST?» [19, с. 32]). В последнем примере маркеры текстотипа представлены лексическими единицами, принадлежащими к тематической группе «газета», а также эмфатической синтаксической структурой предложения, имитирующего газетный заголовок, которое, кроме того, маркировано графически, что также соответствует нормам оформления печатных изданий средств массовой информации.

В изученных циклах волшебных литературных сказок представлены фиктивные интексты, имитирующие следующие типы текстов: личный дневник, личное письмо, официальный текст, дидактический текст, газетная статья, фольклорный текст, поэтический текст, эпитафия. В данной статье рас-

сматриваются личное письмо и официальный текст, которые представляют собой крайние проявления стилистической оппозиции по принципу спонтанности.

Интекст, имитирующий *личное письмо*, создаётся в тексте сказки в соответствии с правилами эпистолярного жанра: жёсткая структура текста, унифицированное размещение текстового материала в пространстве, нормативное графическое оформление, наличие обращения, фатических конструкций, специфических клише.

“Dear Ron,

How are you? Thanks for the letter – I'd be glad to take the Noewegian Ridgeback, ...

Send me an answer as soon as possible.

Love,

Charlie” [17, с. 237].

Данный пример иллюстрирует композиционный стереотип личного письма: обращение, отделённое от основного текста запятой, ссылка на предыдущие контакты и благодарность за предыдущее письмо, основная информативная часть, формулы вежливости, завершающие письмо и подпись. Отдельные отклонения от нормы – отсутствие даты и адреса – служат маркерами фиктивности интекста.

Фиктивные *официальные* интексты имитируют реальные тексты, языковое оформление которых обусловлено спецификой коммуникативной сферы, в которой осуществляется процесс текстопорождения. Типовые официальные ситуации отражаются в текстах, построенных «... по моделям жёсткого, клишированного типа, где регламентируются не только характер самих компонентов, схемы и их последовательность, но и характер заполнения компонентов модели» [4, с. 197]. Официальные интексты обладают теми же стилистическими характеристиками, что и их реальные аналоги: объективность, точность, ясность, логичность, стереотипность, точное и экономное использование языковых средств, сдержанность в выражении эмоций и оценок [5, с. 73]. В процессе фиктивной коммуникации интексты выполняют информативную и регулятивную функции.

Например, официальное письмо уведомляет персонаж о принятии к нему мер административного характера и объясняет причины данных шагов, его доминирующая функция – информативная.

“Dear Mr Potter,

....

The severity of this breach of the Decree for the Reasonable Restriction of Underage Sorcery has resulted in your expulsion from Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry. Ministry representatives will be calling at your place of residence shortly to destroy your wand.

As you have already received an official warning for a previous offence under Section 13 of the International Confederation of Warlocks’ Statute of Secrecy, we regret to inform you that your presence is required at a disciplinary hearing at the Ministry of Magic at 9 a.m. on the twelfth of August.

Hoping you are well,

Yours sincerely,

Mafalda Hopkirk

Improper Use of Magic Office

Ministry of Magic” [18, с. 35].

Официальность приведённого выше письма достигается за счёт использования устойчивых словосочетаний нефразеологического характера (*place of residence, disciplinary hearing*), названий официальных организаций (*Ministry of Magic, Improper Use of Magic Office*), безличность – форм страдательного залога (*your presence is required*). Ссылки на иные фиктивные официальные документы (*Section 13 of the International Confederation of Warlocks’ Statute of Secrecy, Decree for the Reasonable Restriction of Underage Sorcery*) делают текст письма объективным, конкретным и убедительным, действия персонажей-авторов письма воспринимаются как юридически обоснованные и социально приемлемые. Точность – недопустимость интолкувания – представляет собой результат использования значительного количества существительных, полного названия школы вместо традиционного для данной сказки краткого, словесного представления даты. Синонимы не только обеспечивают точность, но и

имплицитно выражают оценку поведения персонажа. *Breach* (“a failure to follow a law or rule” [13, с. 161]) называет менее серьёзное нарушение и сопровождается существительным, уточняющим отношение говорящего к поступку (*severity*), в то время как *offence* (“a crime or illegal activity for which there is a punishment” [13, с. 981]) называет более серьёзный проступок, следовательно, тяжесть наказания, о котором персонажу сообщается в данном письме, мотивируется этой оценкой. К маркерам фиктивности интекста, нарушающим общий официально-деловой колорит письма, следует отнести: клише *Hoping you are well*, более уместное в личном послании, а также лексические единицы, называющие фрагменты фикционального мира, не имеющие реальных аналогов.

Следующий интекст информирует фикциональное сообщество о действиях фикциональных официальных органов.

“The former occupant of these premises, The Faun Tumnus, is under arrest and awaiting his trial on a charge of High Treason against her Imperial Majesty Jadis, Queen of Narnia, Chatelaine of Cair Paravel, Empress of the Lone Islands, etc., also of comforting her said Majesty’s enemies, harbouring spies and fraternizing with humans.

Signed MAUGRIM, Captain of the Secret Police,

LONG LIVE THE QUEEN!” [11, с. 136].

В этом примере использован конвенционный набор языковых средств: специальная литературно-книжная лексика (*former occupant of these premises, fraternizing with humans*), названия должностей и титулов персонажей, осуществляющих данное действие (*her Imperial Majesty Jadis, Captain of the Secret Police*), сложная синтаксическая конструкция, цепочки однородных членов, состоящие из 3-4 компонентов.

Официальные тексты с доминирующей регулятивной функцией характеризуются эксплицитно выраженной императивностью, предполагается однозначный ответ на этот текст – выполнение персонажем указанного действия или неуклонное следование указанной модели поведения. По мнению

И.Б. Руберт, регулятивные тексты нацелены на то, чтобы снабдить адресата алгоритмом действий в определённой ситуации. Читатель инструктируется относительно того, какие действия следует предпринять или от каких отказаться в целях наиболее оптимальной адаптации к условиям социального окружения и материальной среды, невыполнение инструкций может привести к нежелательным последствиям как для адресата, так и для социума [6, с. 7].

Несмотря на разницу в статусе рассматриваемых ниже регулятивных интекстов (табличка на входной двери, законодательный акт, распоряжение директора школы), аналогичность коммуникативно-прагматических контекстов, в которых они функционируют, обуславливает стереотипизацию их языкового оформления, что соответствует тезису о том, что в основе текстового изоморфизма лежит повторяющийся тип денотативной ситуации (Дейк 1989, Макьюинз 1989, Разинкина 2004, Руберт 2005).

Данные интексты различаются по степени императивности. Наиболее жёсткий императив представлен в тексте таблички, расположенной на входной двери.

“ENTRY STRICTLY FORBIDDEN” [16, с. 257].

Этот интекст может рассматриваться как цитата из внетекстовой реальности, в которой отсутствуют маркеры фикциональности. Максимальная степень облигаторности предписываемых действий достигается за счёт использования лексической единицы, в семантике которой содержится компонент «запрет», что усилено эмфатическим наречием *strictly*, а также графической маркированности. Капитализация интекста создаёт имитацию его произнесения громким, не допускающим возражений командным голосом.

Менее жёсткий императив представлен в следующих примерах:

– “Mildred considered the Witch’s Code: ‘Spells are never to be used for trivial or selfish reasons’” [15, с. 116];

– “The note read: No one is allowed inside without permission. Girls must assemble in lines

in the yard. When the bell rings, they should proceed to the cloak-rooms in single file to deposit their bags and from there proceed to morning assembly in the Great Hall” [14, с. 16].

Облигаторный характер предлагаемых моделей поведения выражен с помощью модальных глаголов (*must, should, to be to*) или их эквивалента (*be allowed to*), жёсткость ограничений – словами-отрицаниями (*never, no one*).

Наименее категоричный императив представлен в интексте, имитирующем указатель на перекрёстке дорог.

«Make your choice, adventurous Stranger;
Strike the bell and bide the danger,
Or wonder, till it drives you mad,

What would have followed if you had» [10, с. 35].

Несмотря на использование глаголов в повелительном наклонении, облигаторность модели поведения, предлагаемой в данном примере, минимальна. Использование разделительного союза *or* маркирует свободу выбора адресата, хотя и ограниченную. Солагательное наклонение в этом контексте представляет собой синтаксическое разово создаваемое средство объективации возможного мира как образного аналога, впитавшего характеристики той реальности, в которой оно произносится [2, с. 61], то есть несколько вариантов развития событий рассматриваются как допускаемые вероятно-возможные.

В заключение отметим, что фиктивная текстовая полифония является одним из средств реализации социальной функции волшебной литературной сказки. Фиктивные интексты создаются в соответствии с продуктивными моделями текстопорождения конкретных текстотипов и содержат лексические и композиционные маркеры фиктивности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

3. Белоглазова Е.В. Дискурсивность, интердискурсивность, полидискурсивность литературы для детей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 196 с.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Высш. шк., 1958. – 139 с.
5. Дорошенко В.Ю. Коммуникативная обусловленность функционально-стилистических особенностей делового английского языка: дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 1995. – 178 с.
6. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов: Монография. – СПб.: Образование, 1995. – 210 с.
7. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
8. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. – 472 с.
9. Jiernan C. Sweep. Book of Shadows. – Penguin Group, 2001. – 176 p.
10. Lewis C.S. The Magician's Nephew // Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. – Harper Collins Publishers, 2008. – Pp. 7-106.
11. Lewis C.S. The Lion, The Witch and The Wardrobe // Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. – Harper Collins Publishers, 2008. – Pp. 107-198.
12. Lewis C.S. The Voyage of The Dawn Treader // Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. – Harper Collins Publishers, 2008. – Pp. 419-542.
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Education, Oxford, 2002. – XIV. – 1675 pp.
14. Murphy J. The Worst Witch. All at sea. – Penguin Books, London, 1993. – 222 p.
15. Murphy J. The Worst Witch Saves the Day. – Penguin Books, London, 2006. – 156 p.
16. Pullman Ph. Northern Lights. – London: Scholastic Children's Books, 2007. – 397 p.
17. Rowling J.K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. – London: Scholastic Inc., 1999. – 310 p.
18. Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. – London: Bloomsbury, 2003. – 956 p.
19. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hollows. – London: Bloomsbury, 2007. – 831 p.